

БАРБАРА КАССЕН

## В защиту непереводаемости Беседа с Микаэлем Устинофф<sup>1</sup>

Микаэль Устинофф: В своей недавней книге «Погугли меня. Вторая миссия Америки»<sup>2</sup> Вы цитируете Гумбольдта: «Множественность языков вовсе не сводится к множественности обозначений какой-нибудь одной вещи; языки суть не что иное, как разновидности этой самой вещи, и, когда вещь не является объектом внешних значений, зачастую мы имеем дело с таким же количеством вещей, которые каждое значение облекает в свою форму»<sup>3</sup>. Можно ли приложить эту цитату сегодня к эпохе глобализации?

Барбара Кассен: Да, конечно. Ни больше, ни меньше, чем во времена Гумбольдта. Мы всегда говорим и думаем на языках, а языки не взаимозаменяемы. Когда же возникает обратное предположение, языки показывают нам язык, смеются над нами. Простой пример. Зайдите на Google в рубрику «Перевести эту страницу». Результат поразителен. Введите «И Бог создал человека по образу своему / Et Dieu créa l'homme à son image», затем дайте команду перевести на английский, и получится «*And God created the man with his image*». Переведите заново на французский, затем снова на английский, и так до тех пор, пока не получите уравновешенный перевод. Таким образом, мы имеем сначала «*And God created the man with his image*», затем «И Бог создал человека со своим образом». Что заметно отличается от того, с чего мы начали! А если мы начнем переводить с немецкого, та же самая процедура за-

<sup>1</sup> Перевод выполнен по тексту: Cassin B. *Intraduisible et mondialisation* (entretien avec M. Oustinoff) // Hermès. 2007. Vol. 49. Traduction et mondialisation. Печатается с разрешения М. Устинофф.

<sup>2</sup> Cassin B. *Google-moi. La deuxième mission de l'Amérique*. Paris: Albin Michel, 2007.

<sup>3</sup> Von Humboldt W. *Fragment de monographie sur les Basques* (1822). Переведено в кн.: Caussat P., Adamski D., Crépon M. *La langue source de la nation*. Mardaga, 1996. P. 433.

кончится «И человек по образу своему создал некоего Бога», и можно смаковать всю кощунственную остроту нашего перевода.

М. У.: *Значит ли это, что машинный перевод на самом деле не представляет большого интереса ввиду таких ограничений?*

Б. К.: Нет, наоборот. Машинный перевод в эпоху глобализации представляет огромную площадку для деятельности и самого большого интереса. Прежде всего трудности, с которыми сталкивается машинный перевод, позволяют выявить со всей очевидностью, что языки не являются взаимозаменяемыми. К тому же Google не единичный случай: Европейское сообщество, например, использует Systran, на сегодняшний день самый совершенный онлайн-переводчик. Как он избегает многочисленных искажений смысла, о которых я только что говорила? Если «И Бог создал человека по образу своему» создает столько затруднений, то это как раз из-за множественности возможных интерпретаций предлога «à»: в самом деле, камень преткновения перевода всегда лежит в области омонимии, куда бы мы его ни поместили — в область синтаксиса или семантики. Таким образом, машинный перевод обходит это препятствие, обращаясь к «обезмногозначенным» высказываниям<sup>4</sup>, и, чего мы еще не умеем, пользуясь единым «опорным языком», а именно английским. Проблема в том, что, как превосходно подметил Жак Лакан, «один язык, по отношению к другим, это всего лишь интеграл двусмысленностей, сохраняемых в нем самой его историей»<sup>5</sup>.

М. У.: *Но тогда, каким образом поступают, чтобы «обезмногозначить», «устранить двусмысленность» высказывания?*

Б. К.: Здесь я опять ограничусь лишь тем, что приведу пример, пример глагола «быть», глагола полисемичного *par excellence*, имеющего, как известно, большое значение для греческой философии и в более общем плане для культуры всего «западного мира». На самом деле, это все равно, что задаться вопросом, как устранить двусмысленность глагола *to be*, раз уж мы пользуемся английским в качестве опорного языка. Для этого достаточно прибегнуть к WordNet (лексическая база данных для английского языка, разработанная лабораторией когнитивного интеллекта Принстонского университета<sup>6</sup>), которая предлагает нам... не меньше тринадцати различных значений, вне всякой иерархии, которые иногда

<sup>4</sup> «Устранять многозначность, амбивалентность»: то есть сделать однозначным смысл слова или выражения. Например, слово «hôte» во французском языке соответствует одновременно и «host» (тот, кто принимает) и «guest» (тот, кого принимают) в английском, однозначным понятиям в этом языке, в отличие от французского в данном конкретном случае.

<sup>5</sup> Lacan J. Scilicet. 1973. № 4. Paris: Seuil. P. 47.

<sup>6</sup> Эту программу можно скачать на сайте <http://wordnet.princeton.edu/obtain#win>.

частично перекрывают друг друга и не выстроены в какую-либо внятную последовательность. Таким образом, мы находим значение глагола-связки под № 1, выражение идентичности под № 2, а выражение существования под № 4 («*Is there a God?*»), тогда как местонахождение идет под № 3, и на том же уровне мы находим весьма специфические значения (№ 9 «играть» (на сцене): «Дерек Якоби был Гамлетом») или же идиоматичные<sup>7</sup> (№ 10 «проводить или использовать время»: «*I may be one hour*») и т.д. Результат явно сомнителен: естественные языки упрощены до крайности с тем, чтобы их можно было уложить в матрицу нейтрального концептуального языка, в действительности весьма идиоматичного, который служит простым приемопередатчиком. Повсеместное предложение многоязычия так же, как и предложение перевода на Google, на деле вращаются оба вокруг одного и того же языка — английского, а точнее *globish*.

М. У.: В Вашей книге вы цитируете Д'Аламбера: «До конца XVIII философ, возжелавший основательно изучить открытия своих предшественников, будет вынужден нагрузить свою память семью-восемью различными языками; и, растратив свою жизнь на их изучение, он умрет, так и не приступив к учебе. Использование латинского языка, нелепое, как мы показали, в изящных науках, могло бы быть весьма полезным в философских произведениях, чьими главными достоинствами должны быть ясность и точность и которым необходим универсальный условный язык»<sup>8</sup>. Не сохраняет ли этот аргумент всю свою обоснованность сегодня, когда латынь вытеснил английский?

Б.К.: Я отстаиваю совершенно другую концепцию различия языков и многоязычия. «Европейский словарь философий: лексикон непереводаемостей»<sup>9</sup>, работу над которым я возглавляла, доказывает прямо противоположное тому, что постулировал Д'Аламбер, начиная с идеи, согласно которой нам, якобы, нужен будет в философских произведениях «универсальный условный язык». Мы могли бы снова вернуться к примеру с глаголом «быть», который Шлейермахер квалифицировал как «первый глагол», добавляя, что «даже он освещен и окрашен языком»<sup>10</sup>, но это выражение на самом деле подходит для любой словарной статьи нашего словаря: разве под словом *mind* мы подразумеваем то же самое, что под словом *Geist* или *esprit*? *Правда* (*pravda*) — это слово, означающее *vérité* (истину) или *justice* (справедливость)? А *мимесис* — это *изображение* или *имитация*? Говорить о непереводаемостях вовсе не означает, что эти слова не могут быть переведены, но что не-

<sup>7</sup> Идиоматичный — присущий только определенному языку, не имеющий эквивалента в другом.

<sup>8</sup> D'Alembert J. Discours préliminaire de l'encyclopédie. P. 143

<sup>9</sup> Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles / Sous la direction de B. Cassin. Paris: Seuil, 2004.

<sup>10</sup> Schleiermacher F.D.E. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens // Schleiermacher F.D.E. Sämtliche Werke. T. 3. Zur Philosophie. Vol. 2. Berlin: Reiner, 1838. S. 207–245.

переводимое это то, что не перестают (не) переводить, как я это объясняю во «Вступительной статье» к нашему словарю европейских философий. При переходе от одного языка к другому не только слова, но в равной степени и терминологические сети, грамматика и синтаксис не накладываются друг на друга, и подобные различия вовсе не являются источником контекстной темноты, которую следовало бы во что бы то ни стало «прояснить» с помощью какого-то одного универсального языка, сведенного к своему самому простому выражению, наоборот, они суть источник обогащения, поскольку каждый язык набрасывает на этот мир какую-то новую понятийную сетку. С этой точки зрения английский не является исключением.

М. У.: *Что вы хотите этим сказать?*

Б. К.: Что не следует путать служебный язык с языком культуры. Пример с Google в этом отношении весьма показателен, поскольку он возводит *globish* в некую модель универсальной коммуникации. Тем самым, по отношению к этому языку, другие языки сразу же переходят в разряд диалектов: это случай французского, немецкого и т.д., но также и английского языка Шекспира или Джойса! Характерный в этом отношении сайт — Википедия: да, разумеется, он склоняется на множестве языков, но принципом его функционирования является консенсус. Эта онлайн-энциклопедия, которую каждый волен, так сказать, модифицировать по мере составления, на самом деле ставит на игорную доску *doxa* против *ágon*, другими словами, общее мнение против конфронтации идей. То же относится и к Google как поисковой системе: иерархизация имеющихся в Интернете данных осуществляется с помощью алгоритма Page-Rank, который классифицирует Web страницы только по количественным критериям. Но разве количество автоматически производит качество? Подлинная рефлексия мало совместима с подобными послылками, и то же самое относится и к языку: значительная часть исследований в философии и гуманитарных науках не может осуществляться посредством одного чисто утилитарного языка. В противоположность этому необходимо решительно встать на защиту английского как языка культуры наряду с другими языками.

М. У.: *Проект «Social Science Translation Project», начатый по инициативе American Council of Learned Societies, по всей очевидности вписывается в направленность Ваших идей. Он заканчивается «Словом в защиту публикаций на своих языках, обращенным к научным исследователям», где, в частности, можно прочесть следующее: «Стиль мышления и способ аргументации, присущие гуманитарным наукам в англо-американской среде, стали прокрустовым ложем, в чьи рамки должны укладываться все типы концептуализации. Результатом чего является все возрастающая унификация и оскудение самого характера научного рассуждения, истощения самого метода рассуждения,*

так сказать»<sup>11</sup>. Само собой разумеется, что такой проект имеет смысл только при предоставлении адекватных средств перевода.

Б. К.: Это замечательный проект, который я очень хорошо знаю. Говоря о переводе, я добавлю, что «Европейский словарь философий» в настоящее время переводится, то есть адаптируется, на несколько языков, в частности на английский: как только эта работа будет завершена, я собираюсь предпринять сравнительное исследование разных версий.

М. У.: Словарь под названием «Лексикон непереводимостей» должен по определению создавать разного рода проблемы переводчикам!

Б. К.: Разумеется. И эти проблемы встают по-разному в зависимости от конкретного языка. Но самая интересная сторона — это то, что меняется не только язык, но и метаязык<sup>12</sup>. Нам будет понятнее, если мы зайдем, к примеру, на сайт электронной версии «Европейского словаря философий», поддерживаемой в рамках проекта ЕСНО (*European Cultural Heritage*)<sup>13</sup>. Возьмите, например, статью на немецкое слово «Bild». Здесь мы находим самый употребимый перевод «изображение / image», но также «картина / tableau», «облик / figure», «лицо / visage», греческое «eidolon», латинские слова «imago» и «species» и т.п. В самом деле, слово имеет смысл не само по себе, а в отношении с теми словами, с которыми оно формирует систему. И таким образом *Bild* связано с *Urbild* и *Abbild* (модель / архетип и серия), с *Bildung* (образование, культура), *Einbildungskraft* (воображение) и т.д. Эта словарная статья не может быть составлена одинаково на французском, если метаязыком является, как здесь, французский, и на немецком, где язык и метаязык совпадают! Слово *Bild* затем помещается в контекст перевода Нового Завета Лютера, который ставится в параллель с Вульгатой. И здесь опять невозможно использовать одни и те же подходы, если в качестве метаязыка используется французский, немецкий, украинский, русский или фарси... откуда интерес к анализу того, как различные переводы перекликаются друг с другом.

М. У.: Тем более что в «Европейском словаре философий» есть понятие «европейский», но там также представлен и арабский язык...

Б. К.: Да, это было совершенно необходимо: начиная с IX века, научное наследие греков передавалось в Европу через арабский язык. Для Евро-

<sup>11</sup> Recommandations pour la traduction des textes de sciences humaines / Trad. en français par B. Ponchard. New York: American Council of Learned Societies, 2006. P. 30.

<sup>12</sup> Метаязык — язык, используемый для того, чтобы говорить о языке, его анализировать.

<sup>13</sup> Vocabulaire européen des philosophies (VEP):  
<http://robert.bvdep.com/public/vep/accueil.html>

пы это *переходный язык* в той же степени, что и древнееврейский. Они занимают свое место в ряду того, что я называю языками европейской истории, рядом с санскритом, древнегреческим и латынью. Вопрос языков в Европе действительно требует рассмотрения во всем своем разнообразии. Если есть языки «внутренние» в отношении Европы, которые, как венгерский, не стали национальными или официальными языками за ее пределами, такие языки, как английский, испанский или французский, были языками европейской экспансии и эмиграции. Языки Европы выходят, как мы знаем, далеко за рамки самой Европы. Что касается языков *иммиграции*, они зачастую отодвинуты на второй план — являются ли они уже или нет европейскими языками. А в такой стране, как Франция, такие языки, как португальский, арабский или китайский, также широко представлены. Это неоценимое культурное богатство, на которое, мне кажется, просто необходимо опираться. Эту точку зрения разделяет, например, Ксавье Норт, генеральный уполномоченный по французскому языку и языкам Франции<sup>14</sup>. К тому же глобализация сводит нас с самыми разнообразными языками и, в частности, с языками участников, занимающих на международной сцене позиции, которые, по общему выражению, будут только усиливаться: это относится к китайскому, хинди и арабскому. Поэтому все менее и менее возможно придерживаться традиционного представления о Европе, сосредоточенной на самой себе. Вот еще почему я уделяю такое большое значение тому, чтобы такое произведение, как «Европейский словарь философов», было переведено не только на «европейские» языки, и в более общем плане, почему я высказываюсь в пользу многоязычия.

М. У.: *То есть для вас Европа является многоязычной по своей сути?*

Б. К.: Европа — результат смешения языков. И это преимущество, а не помеха, вопреки тому, что считают приверженцы всего-по-английски. Если считать, что язык — это простой инструмент для «общения», в этом случае Д'Аламбер прав: не стоит усердствовать и учить множество языков. Хватит какого-нибудь одного на все случаи, и тогда, почему бы и не английский? Это уже на деле доминирующий язык в силу разных причин. Но кроме того, что, как говорит Ницше, каждый язык «интересен сам по себе», многоязычие является неотъемлемой частью европейской идентичности. Можно вспомнить «интернациональный» логотип, созданный по случаю празднования в 2007 году пятидесятилетия Римского договора, — «Tögethé® since 1957» — и те негативные реакции, которые он вызвал в том смысле, что он символизировал триумф *globish*, возведенного в ранг единственного языка, притом, что другие языки фигурируют лишь в качестве диакритических знаков (Google говорит о *flavors*), которым не-

<sup>14</sup> См. тематическую подборку «Битва за французский язык»: Bataille pour le français, <http://www.adpf.asso.fr/adpf-publi/folio/bplf/index.html>

достаёт орфографичности. Это значит идти вразрез с политикой Евросоюза, такой, какой она проводилась Яном Фигелем, европейским комиссаром по вопросам образования, культуры и многоязычия, а с 2006 года Леонардом Орбаном, европейским комиссаром по языковым вопросам (к слову сказать, я сообщаю, что в настоящее время я вхожу в систему Евросоюза в состав группы высшего уровня по вопросам многоязычия, созданной Яном Фигелем). Естественно, речь не о том, чтобы учить все языки, но пропагандировать их изучение, что не одно и то же.

*М. У.: За какие меры вы выступаете?*

Б. К.: Естественно, исключено, чтобы я здесь ответила исчерпывающим образом на подобный вопрос. Я ограничусь лишь тем, что коснусь нескольких пунктов, которые мне кажутся особо важными. Прежде всего, это касается английского, который, вследствие своего международного статуса, представляет несомненный интерес. Какому языку обучать — служебному (неважно, как его именуют : «язык-посредник», «язык-передатчик», «*lingua franca*» и т.д) или языку культуры? По моему мнению, обоим. Изучая один лишь язык «общения», мы дважды оказываемся в невыгодном положении: потому что мы общаемся на бедном языке и потому что мы говорим на нем хуже, чем англофоны, для которых он опирается на родной язык и на язык культуры. А ведь именно к этому сегодня все идет. То, что касается английского, точно также распространяется и на другие языки, но тем не менее (это второй пункт, на котором я хочу заострить свое внимание) нужно также учиться развивать пассивные знания. Так, знание латыни обеспечивает мне довольно хорошее пассивное восприятие итальянского, испанского или португальского (в отличие, к примеру, от венгерского). Такое же рассуждение можно применить и к германским, и к славянским языкам и т.д. В частности, мне кажется в высшей степени желательным, чтобы в школах и университетах изучались так называемые «интернированные» языки (языки мигрантов, языки стран ближайшего окружения и т.д) хотя бы так, чтобы мы могли освоить их пассивное восприятие. Я думаю, это, в частности, случай арабского языка во Франции. Наконец, не следует забывать о преподавании языков крупных мировых игроков, которыми стали Китай, Индия или Япония. Нужно добавить еще один немаловажный параметр: развитие обучения в течение всей жизни, которое показывает, до какой степени гибкими на самом деле оказываются понятия активных и пассивных компетенций. Вот что касается языков.

*М. У.: Но остается еще один аспект — «перевод».*

Б. К.: Точно. Перевод и, следовательно, переводные публикации являются ключевыми областями для многоязычия. Как справедливо заметил Умберто Эко, «язык Европы — это перевод». И действительно, во-

прос об изучении всех языков Европейского сообщества, по всей видимости, никогда не возникнет. Следовательно, решающая роль остается за переводом. И здесь я тоже ограничусь несколькими замечаниями. В частности, мне бы хотелось вернуться к вопросу о машинном переводе. Ввиду все нарастающих потоков перевода, вполне логично, что удельный вес той части, которая отводится переводу с помощью автоматизированных средств, постепенно возрастает. Однако чтобы перевести сегодня с французского на китайский, прибегают к посредничеству английского, очищенного от многозначности благодаря WordNet, со всеми нежелательными последствиями, на которые у нас была возможность указать. Было бы полезно, если не сказать настоятельно необходимо, стараться переходить непосредственно от одного языка к другому, другими словами, от одного набора многомысленностей к другому набору многомысленностей, пытаясь все лучше и лучше моделировать работу, выполняемую переводчиками с учетом всей ее сложности. Именно в этом заключается направление исследований первоочередной важности.

М. У.: *Нужно также, я полагаю, поощрять другие формы перевода.*

Б. К.: Естественно. И для этого Европа должна вооружиться средствами, позволяющими проводить далеко идущую политику. Нужно составить перечень работ, которые совершенно необходимо перевести, — библиотеку недостающего, создавать необходимые синергии между различными участниками, включая финансовых, для того чтобы переводы выполнялись быстро, в частности, что касается ключевых работ, развивать соиздания между издателями различных стран и т.д. Пункт, на котором мне хотелось бы особо остановиться, — это двуязычные издания. Простой факт наличия перед глазами языка оригинала, действительно, мгновенно создает ощущение, которое помогает уяснить, что языки не взаимозаменяемы. Двуязычные книги, в частности, те, которые содержат элементы, позволяющие сравнить родной язык и иностранный язык (комментарии, ссылки, глоссарии и т.д.), — это инструменты, призванные сыграть решающую роль в преподавании культуры в Европе. Кроме того, это главные инструменты, обеспечивающие пассивное понимание. Я имею в виду литературные, философские тексты или тексты гуманитарных наук, но также, например, и тексты основных законов: где можно было бы увидеть, как термины римского права переданы терминами *common law*, но «право» и «закон» это не одно и то же, что «right» и «law» и т.д.

М. У.: *Словом, те же непереводимости, что фигурируют в «Европейском словаре философий», но та же самая проблематика применима и к другим культурным областям. Это случай понятия «Ubuntu», встречающегося во Временной конституции Южно-Африканской Республики, учрежденной в 1993 году вслед за*

отменой апартеида, и о котором Вы писали в одной из своих статей<sup>15</sup>. Можете вы нам сказать об этом несколько слов?

Б. К.: Это концепт, сыгравший основополагающую роль в отчете Южно-Африканской комиссии «Истина и примирение», он из разряда непереводаемых; поэтому мы его находим в неизменном виде в одиннадцати версиях: это конституции, соответствующие одиннадцати национальным языкам ЮАР, где торжественно утверждается необходимость *Ubuntu*, а не мести, не преследования своих жертв. Это слово, принадлежащее к языкам банту<sup>16</sup>, означает «качество, позволяющее быть человеком с другими людьми», которое Анти Крог превосходно резюмирует в формуле «Мы есть, следовательно, я существую»<sup>17</sup>. В статье, о которой вы говорите, я также привожу непереводаемое граффити на наружной стене дома в Кейптауне, где жил Десмонд Туту: *How to turn human wrongs into human rights*, ибо пара «wrong» / «right» не совсем совпадает с парой «tort (неправый)» / «droit (право)», (это также и «mal (плохо)» / «bien (хорошо)», и «faut (неправильно)» / «vrai (правильно)», и я также обращаюсь к греческим концептам *alêtheia* (истина), *aidôs* (целомудрие) или *dikê* (справедливость). Стало быть и речи быть не может о том, чтобы замкнуться в каком-то одном определенном культурном ареале, и перевод как раз и является лучшим противоядием в этом вопросе. Вот почему этнолог Мишель Годелье предложил в самом проекте ЕСНО, о котором уже шла речь, новый раздел: неевропейские компоненты культурного наследия Европы<sup>18</sup>. Этот обширный проект, инициированный Институтом Макса Планка в Берлине и Европейской комиссией, не мог ограничиться тем, чтобы принимать в расчет только «европейское» наследие — вследствие чего важность перевода только возрастает.

Перевод с французского Ольги Волчек

<sup>15</sup> Cassin B. Amnistie et pardon : pour une ligne de partage entre éthique et politique // Le Genre humain. Hiver 2003. №3. Vérité, reconciliation, réparation.

<sup>16</sup> Языки банту — языковая семья, объединяющая около 400 языков, на которых говорят примерно в двадцати государствах на юге Африки. Наиболее распространенные из банту языков : суахили, кикуйю, рунди (кирунди), лингала, луба, луганда, коса, зулу, кимбунду, шона, свази, тсонга и др.

<sup>17</sup> См.: Cassin B. Removing the perpetuity of hatred: on South Africa as a model example // International Review of the Red Cross. Juin 2006. Vol. 88. № 862. P. 236.

<sup>18</sup> См.: Case Study 5. Non-European Components of European Heritage:

<http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/home/publicRelation/reports/pdfs/D3.41.pdf>